

“Враги народа” против публики

Культура. — 2001. — 1-7 марта. — С. 9

Большинству зрителей имя режиссера Дмитрия АСТРАХАНА знакомо в основном по кинофильмам, среди которых такие всенародно известные, как “Все будет хорошо”, “Ты у меня одна”, “Зал ожидания”. Не так хорошо знаком он как режиссер театральный, по крайней мере, столичной публике.

А между тем, будучи выпускником ЛГИТМИКа, он поставил внушительное количество спектаклей в разных городах России. Более того, в течение пяти лет занимал пост

художественного руководителя петербургского Театра комедии. Среди его наиболее известных постановок “Доходное место” и “Утиная охота” в екатеринбургском ТЮЗе, “За чем пойдешь, то и найдешь” в БДТ (спектакль идет уже 10 лет), “Тартарен из Тараскона” в петербургском Театре комедии, “Эти свободные бабочки” в Театре им. Комиссаржевской.

Год назад он дебютировал в московском Театре им. Пушкина, поставив спектакль “Леди на день”, совсем недавно здесь же появились “Путники в ночи”. Последний спектакль вызвал далеко не однозначную реакцию московской критики при явном зрительском успехе. Это и спровоцировало Д.Астрахана на нелицеприятный разговор как о современном состоянии критической мысли, так и на “вечные” размышления о том, на кого же, в принципе, ориентировано театральное и киноискусство.

— Дмитрий Хананович, что побудило вас, популярного и признанного кинорежиссера, вновь вернуться в театр, дебютировать в Москве?

— Я из него и не уходил. Расставшись с должностью худрука, продолжал ставить спектакли в разных городах.

— Почему возник именно Пушкинский театр, имеющий репутацию не слишком удачливого?

— Завлит театра Ольга Богомолова обратилась к Олегу Данилову с просьбой прислать имеющиеся у него пьесы. Он выбрал “Леди на день” и посоветовал обратиться ко мне как к режиссеру-постановщику, тем более что пьеса и писалась в расчете на то, что я буду ее ставить. А после успеха этого спектакля директор театра попросил меня продолжить работу у них. Так возникли “Путники в ночи”. А что касается репутации Театра им. Пушкина, то мне вообще не очень интересно, кто, что и о чем думает по поводу удачливости и всего прочего. Важно другое — хороший или плохой артист, с которым мне предстоит работать, даст ли мне театр возможность делать то, что я хочу. А репутацию, я считаю, создают спектакли. Даже один спектакль может решить все — и в жизни режиссера, и в жизни театра. На хорошую постановку всегда придет зритель, невзирая ни на какую репутацию, слух распространится очень быстро.

Мнение же критики — это очень специфическая вещь. Помню спектакль одного известного режиссера, где весь зал спал.

— Прямо-таки весь?

— Ну процентов 70, остальные мужественно со сном боролись. А на следующий день я читал рецензии спящих накануне критиков, где говорилось, что это — открытие в нашем театре. Но мухи же дохли на этом спектакле.

Так что есть театры и режиссеры, репутацию которым создает критика, а есть те — кому славу приносит любовь народная.

— По поводу вашей недавней постановки “Путники в ночи” мнения критиков и зрителей тоже здорово разошлись.

— Ситуация складывается вопиющая. Везде сами критики отмечают, что это какой-то невиданный успех у публики, обвалный. При этом по отношению и к драматургу, и к режиссеру все время употребляется термин “примитив”. Единственное, что можно прочесть об авторе пьесы Олеге Данилове — у него примитивные ходы и шутки, все это плоско и неумно. По мнению критики, наш спектакль “блещет” отсутствием драматургии и режиссуры, но почему-то пользуется огромным успехом. При том, что играют в основном два артиста, непотребных вещей не показывают, матом не ругаются, эпатажа какого-то нет. Что ж публика-то в таком восторге? Я что, каждого загипнотизировал или наркотик выдал перед спектаклем? Или это глупая публика? Возникает какой-то замкнутый круг, и как из него выйти, не очень понятно.

— Вы сами можете объяснить подобную ситуацию?

— Не мое дело все это объяснять. Моя задача — поставить спектакль, который будет интересен зрителям. Но я-то как раз считаю, что здесь прекрасная драматургия, а Данилов — прирожденный драматург, поэтому все, что он пишет, имеет успех. Его пьесы идут в десятках театров страны, хотя родственники у него там не работают и протекция ему не составляют. Зритель волнуется тема, он сопереживает артистам, увлечен зрелищем. Данилов написал пьесу умную, позволяете сказать, вечную. Ее долго играть будут. Можно сделать перевод на любой язык — и она будет про японцев, испанцев, евреев, кого хотите. Пьеса интернациональна, потому что она о вечных человеческих ценностях, о любви, причем о любви 40-летних людей, проживших вместе жизнь. Оказывается, что едва ли не в каждой семье что-то подобное

Фото О. КУДРЯВЦЕВОЙ

Д.Астрахан

происходит. И ничего другого в нашем спектакле нет — ни взрывов, ни спецэффектов, ни раскрученных артистов, ни супердекораций, ни костюмов от Зайцева. Но это — театр.

На самом деле надо разобраться, зачем зритель ходит в театр. Вот как раз критик и должен об этом подумать. Зачем? Как вы считаете?

— Я своих многочисленных друзей и знакомых все время об этом спрашиваю. Говорят: что-бы отдохнуть?

— Что значит “отдохнуть”?

— Расслабиться, успокоиться, отойти от суеты и беготни.

— Так ведь проще на диване полежать, поспать, книжку почитать в одиночестве. Но я зачем-то встаю, одеваюсь, покупаю билет и иду в театр. Потому что я хочу

определенные эмоции, вместе со всеми ощутить какое-то потрясение — это в человеческом подсознании заложено. Не отдыхать человек идет в театр, неправда это все. Он плачет, какой уж тут отдых? Эмоции могут быть самыми жуткими, пугающими, но я все равно пойду — за страстями. Это — особый наркотик, особое наслаждение.

— Вы полагаете, что вся публика едина?

— Абсолютно.

— Не допускаете, что кто-то любит ваши спектакли и фильмы, а кто-то Тарковского или Феллини?

— Допускаю. Более того, можно любить то и другое. Главное же, как мне кажется, в том, что публика, придя в зрительный зал, либо превращается в единое целое, ли-

бо нет. Если это целое не возникает, значит, режиссер что-то недоделал. Если он не сумел заставить всех смеяться в одном месте, плакать в одном месте, волноваться в одном месте — значит, что-то не получилось. Вот и все. Гайдаю или Чаплину не нужны рекомендации, объяснения. Мы до сих пор их фильмы смотрим и хотим. Хотя в свое время критика тоже обвиняла Гайдаю в примитиве и работе “на потребу”. Вообще критики — удивительные персонажи. Есть в Петербурге спектакль “Трудные люди”. В антракте с премьеры ушли 155 человек (это официальные данные театральных администраторов). А петербургская критика признала спектакль лучшим в сезоне и присудила ему премию “Золотой софит”. Для меня это нонсенс. Есть, наверное, какое-то лабораторное, экспериментальное искусство, но оно не для публики, во всяком случае, не для больших залов. Право выйти на зрителя еще нужно заслужить. Понимаете, страшная у нас профессия и мерило там страшное — публика. Почему ее всегда так боялись, волновались и переживали, как ей, великой, угодить? Мольер этого не стеснялся, Шекспир — тоже. Они только и думали, чем бы ее, родимую, потрясти? Уж какие только сюжеты не изобретали, неделями репетировали один трюк — “грохнет” тут зал или нет? Это тяжелый, мучительный поиск, труд, талант, бессонные ночи, все что угодно.

— Но все ли средства хороши для достижения успеха? Публике, извините, может понравиться и демонстрация голого зада, что у нас, кстати, нередко случается. Где та грань, которую нельзя переступать? Кто ее определяет?

— Вкус художника, и только он. Впрочем, каждая истина конкретна, нельзя обобщать. А вот по поводу граней и критериев — где они у нас? На кого ориентироваться? На критику или публику? Призы кто раздает? Критика. Народную любовь? Зрители. Каждый из нас, представителей творческих профессий, должен для себя решить, для кого он работает. Я выбираю зрителя.

— Правда ли, что вы критиков “врагами народа” называете?

— Правда. Но не всех. У меня в жизни было много общения с великими людьми, теоретиками драмы, театра. Я общался с Костелянцем, это большой человек, преподавал теорию драмы. Он знал театр изнутри, мог проанализировать любую пьесу, оценить то, что придумал режиссер. Я очень благодарен Ф.Гукасян, главному редактору “Ленфильма”, которая выпускала фильмы Германа, Асановой. Именно она толкнула меня в кино, посмотрев мои театральные работы, порекомендовала Германи. И он приходил ко мне на спектакли и оценивал их как критик. Но этих людей всегда волновало не только то, что ты сделал, но и как на это реагировала публика.

А есть другие критики, которые людей, сидящих в зале, не любят, не уважают, относятся к ним, как к

быдлу, скоту. Констатируют успех, но говорят о примитиве, утверждая, что именно такое искусство нравится публике. Откуда такое неуважение к людям? Ты попробуй лучше во всем разобраться, предположить, что, может, публика не так глупа. И не глуп ли ты сам? И вообще, интеллигентный ли ты человек, если позволяешь себе быть выше людей, считать свое мнение непререкаемым?

Но спорить с критиками, как еще Чехов говорил, все равно, что черта за хвост дергать. Просто стоит разобраться, кто в нашем деле лишний. Для критика, совершенно ясно, лишний — зритель. Я слышал фразу одного такого товарища: не могу смотреть спектакль с публикой, она мне мешает. Мама дорогая! Что же это такое?

— Я так полагаю, что, по-вашему, третий лишний — как раз критик. Чем вызван тогда этот пафос по отношению к совершенно ненужному существу?

— Но статьи-то пишут критики! Это фильм можно сохранить на кассете, а спектакль умирает. И это трагедия для театрального режиссера, потому что наши потомки будут читать именно эти статьи и по ним судить о нашем творчестве. Что же поймет читатель через стол лет? Он услышит неуважительный тон. Вот это мне неприятно, естественно, это меня раздражает и обижает. На самом деле критик театру необходим. Но лишь при том условии, что он сможет стать человеком из публики, в ней раствориться. И прийти в театр вместе с этими людьми — за теми же эмоциями, страстями, потрясениями. И с этих позиций судить то, что он увидит.

— Не поэтому ли вы решили перевести “Путников в ночи” на язык кино? Я слышала, что у вас скоро состоится премьера фильма “Подари мне лунный свет” по той же пьесе О.Данилова.

— Этот фильм практически готов. В нем заняты прекрасные актеры — Н.Еременко, Н.Андрейченко, В.Гостюхин, И.Дмитриев, С.Дрейден. Но так сложилось, что нам с О.Даниловым пришлось снять наши фамилии с титров этого фильма.

— Почему?

— В качестве продюсера выступал “НТВ-ПРОФИТ”. Продюсеры активно вмешивались в творческий процесс, меняли сценарий с помощью монтажа, самостоятельно “подкладывали” музыку и т.д. Они — владельцы картины, имеют на это право. Но, к сожалению, поставив свои имена в их вариант картины мы не можем, поскольку их версия нас не устраивает по художественным соображениям.

Кроме того, сейчас заканчивается работа над фильмом “Желтый карлик”, и я готовлюсь к съемкам картины по мотивам пьесы “Леди на день”. Что же касается Театра имени Пушкина, то собираюсь поставить здесь “Красавца-мужчину” А.Островского.

Беседу вел
Ирина АЛПАТОВА